

Шкаев Д.Г.

**КАТАРЫ И ТАМПЛИЕРЫ:
К ВОПРОСУ О МИСТИФИКАЦИИ ИХ СВЯЗИ
И ИСТИННЫХ ПРИЧИНАХ УНИЧТОЖЕНИЯ¹**

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, dmitrsky@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья написана автором во время одной из исследовательских поездок по территории Южной Франции, когда он не только сталкивался с непониманием туристами сущности событий, происходивших в среде тамплиеров и катаров порядка восьмисот лет назад, но и вызывал удивление местных жителей, полагающих себя знатоками истории своего края, когда озвучивал альтернативную интерпретацию данных событий.

Ключевые слова: катары; альбигойцы; катаризм; тамплиеры; манихейство; ересь; богомолы; патарены.

Поступила: 30.06.2018

Принята к печати: 20.07.2018

Shkaev D.G.

**Cathars and Templars:
On the mystification of their relationship and
the true causes of destruction**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, dmitrsky@gmail.com*

Abstract. This article was written by the author during one of his exploratory trips through the territory of Southern France. During this trip he faced a lack of understanding by tourists of the events that took place there around the Templars and Cathars about eight

¹ © Д.Г. Шкаев, 2018

hundred years ago and surprised the local residents who consider themselves experts on the history of their land, when he voiced an alternative interpretation of these events.

Keywords: Cathars; Albigensians; Catharism; Templars; Manichaeism; heresy; Bogomils; Pathavens.

Received: 30.06.2018

Accepted: 20.07.2018

Согласно укоренившейся в последние годы точке зрения, существует устойчивая связь между альбигойцами (средневековыми еретиками Южной Франции) и рыцарями-храмовниками, более известными как тамплиеры. Эта связь иногда маркируется знаменитым образом христианской мифологии, доминирующим в большинстве научно-популярных (а иногда и научных) материалов по истории Лангедока. Разумеется, речь идет о священной чаше Грааля. Бытует мнение, что владевшие чашей еретики объединились с тамплиерами и совместно укрыли ее от вездесущих глаз Римской католической церкви. Вероятнее всего, где-то в родных краях. Впрочем, возможно, все произошло с точностью до наоборот, и это храмовники, доставив чашу из Святой земли, передали ее своим собратьям по вере на хранение.

По мнению многочисленных авторов, наличествуют исторические предпосылки, детерминирующие храмовников как убежденных альбигойцев, или катаров. Предполагается, что катаризм как религиозное учение глубоко проник в идеологию ордена, заменив ортодоксальные взгляды и превратив рыцарей в сподвижников или даже адептов альбигойской ереси. Авторы не берутся утверждать, когда или где произошла такая метаморфоза, но охотно подчеркивают общеизвестный факт: тамплиеры не только отказались поддержать крестовый поход против катаров, но и порой выступали на стороне последних в военных столкновениях.

Прежде чем описывать всю глубину данного заблуждения, необходимо определиться с сущностью таких явлений, как альбигойская ересь (катаризм) и духовно-рыцарский орден храмовников. В настоящей статье мы не ставим перед собой цель доподлинно раскрыть историческое и культурное значение вышеупомянутых явлений, однако противостоящим распространившимся в последние годы слухам, особенно подогреваемым различными псевдоисторическими сочинениями, которые охотно принимаются на веру неподготовленным умом туриста, впервые посещающего Лангедок. Этот

текст написан автором во время одной из исследовательских поездок по территории Южной Франции, когда он не только сталкивался с непониманием туристами сущности событий, происходивших там порядка восьмисот лет назад, но и вызывал удивление своей осведомленностью местных жителей, полагающих себя знатоками истории своего края. В этих заблуждениях не было бы ничего неожиданного, если бы не один факт: французская историческая наука ощутимо продвинулась в изучении катаризма, его источников и проявлений, его исторического наследия и объективной трактовки событий прошлого. Однако, как, вероятно, и в других подобных местах, в Окситании, а в особенности в Руссильоне и Лангедоке продолжает бытовать сумбур убеждений, которые сами по себе иначе как ересью назвать трудно.

Обилие исторических памятников всегда отличало Южную Францию. Пройдя сквозь столетия военных кампаний, ожесточенных конфликтов, политического, экономического и религиозного противостояния, города и деревни в отрогах Корбьер и Восточных Пиренеев сохранили историческое наследие практически в нетронутом виде. Разумеется, за прошедшие века ряд объектов серьезно пострадали, некоторые не дошли до нас в первоизданном виде, но в данном случае мы говорим о совокупном отношении к исторической памяти и умении воспринимать мир сквозь призму прошлого так, как будто оно является неотъемлемой частью сегодняшнего дня. Вполне вероятно, этому подходу следует учиться. Мы не можем применять исторически и этимологически спорный термин «катары» к альбигойцам, однако вынуждены именовать их так в силу сложившейся религиозной традиции. Общераспространенное название «катары» (предположительно, от греческого «чистый») – это, скорее, термин, применяемый противниками еретического вероучения для идентификации его последователей, которых на родине именовали чаще всего «добрыми людьми» или «друзьями Божиими». В научной и научно-популярной литературе весьма широко распространено мнение о катарах как представителях так называемой «балканской ереси» или учения богомилов. Сущностью данного учения, как и многих других еретических течений того времени, был дуализм доброго и злого начал земного бытия. Предполагается, что одну из ключевых ролей в возникновении катаризма сыграло манихейство и его последователи или

интерпретаторы: павликиане, богомилы, патарены, а также собственно альбигойцы, которых и принято именовать катарами.

Явный антиклерикальный, контраргументный и, во многом, гностический характер всей совокупности этих течений в наиболее выраженной форме был воплощен на Балканах и в Южной Франции, где в Средние века произошли многочисленные военные столкновения на религиозной почве. Хотя именно альбигойцы вошли в историю как наиболее яростные противники Римской церкви, религиозный конфликт на территории Лангедока был, на деле, обусловлен вполне экономическими причинами. Впрочем, эти причины не являются предметом настоящего исследования.

В отношении катаризма существует немало заблуждений и стереотипов, самым распространенным из которых является попытка унификации различных еретических сект в единое течение. Безусловно, в немногих сохранившихся документах наличествуют основания для демонстрации весьма сходного и даже идентичного характера отправляемых катарами обрядов и взглядов, которых придерживались представители этого учения. Однако зачастую исследователи упускают принципиальный момент, который и составлял ключевое институциональное отличие так называемой «церкви катаров» от официального христианства.

Все церкви катаров, если такой термин возможно применить к вольным общинам еретиков, функционировали как «поместные», и сама по себе централизация могла произойти и произошла только под влиянием нарастающей военной угрозы со стороны крестоносцев. Учение катаров не предполагало института церковной власти, поскольку сам характер вероучения был исключительно свободным и демократичным для того времени. Наличие в исторических документах упоминаний о руководителях секты не опровергает данный тезис, а только подчеркивает попытки катаров объединиться перед лицом смертельной угрозы и сохранить учение, не по принципу, но в противовес Риму.

Более верным представляется допущение о совокупности множества самостоятельных общин, каждая из которых, разделяя общие принципы вероучения, тем не менее имела собственную историю и ряд религиозных особенностей. Это сближает катаризм с раннехристианскими сектами и объясняет различия во взглядах и обрядах, обнаруживаемые при детальном изучении сохранившихся

свидетельств, хотя в общем контексте исторического дискурса они не имеют столь же весомого значения, как в сфере религиоведения.

Если предположить, что катары вовсе не являются последователями единой еретической церкви, а находят свое отражение в средневековом христианстве как некая сеть вольных религиозных общин, связанных общими взглядами и ключевыми обрядами, становится понятным, почему столь различные степени их влияния на правителей просматриваются в Южной Франции и других областях средневековой Европы на протяжении периода расцвета вероучения и почему очаги сопротивления Римской церкви действуют зачастую асинхронно и автономно.

При этом необходимо признать, что все проявления французского катаризма имеют явную имманентную связь с дуалистическими течениями, распространившимися в Европе под влиянием отголосков манихейства. По существу, одно из самоназваний катаров «друзья Божьи» коррелирует с балканским термином «богомилы». Однако следовало бы придерживаться той точки зрения, что альбигойские учения (именно так – во множественном числе) имеют далеко не один источник и зачастую представляют из себя комбинацию элементов раннего христианства, манихейства, локальных верований и, собственно, учения богомилов или патаренов.

Тем более странно допускать мысль о проникновении альбигойской ереси в среду тамплиеров, которые, хотя и не отличались щепетильностью в вопросах соблюдения христианской морали, но тем не менее вряд ли могли отправлять катарские обряды, которые в значительной степени противоречили идеологии ордена. Само возникновение тамплиеров как духовно-рыцарского формирования насквозь пронизано влиянием Римской католической церкви, от которой орден полностью зависел, что и повлекло печальные события начала четырнадцатого века, когда большая часть тамплиеров была подвергнута священному суду.

Благодатную почву для заблуждений относительно связи альбигойцев и тамплиеров породили несколько исторических фактов, которые можно истолковать с выгодой для сторонников мистификаций. Прежде всего, географических. Действительно, значительная часть тамплиеров происходила из южнофранцузских регионов, где имела ленные владения и находилась в родственной связи с семьями потомственных катаров. Однако, согласно идеологии ордена, эти связи порывались с момента вступления неофи-

та в ряды храмовников. Мы отдаем себе отчет в том, что на деле изрядная доля взаимоотношений сохранялась, что фактически может объяснить отказ ордена от участия в крестовом походе Симона де Монфора, но маловероятно при этом, что само вероучение альбигойцев бытовало в рыцарской среде, и вот почему.

Прежде всего, для катара, готовящегося или уже прошедшего обряд *consolamentum* (посвящения в «совершенные»), сама мысль об участии в кровопролитии была недопустима. Именно по этой причине альбигойцы обращались за помощью и искали защиты у именитых землевладельцев Лангедока, чтобы воспрепятствовать нарушению религиозных канонов и оставаться при этом в относительной безопасности. Разумеется, в среде катаров было немало и тех, кто в случае необходимости мог бы взять в руки оружие, не будучи посвященным в высший сан. Но сама сущность их вероучения отторгала насилие как факт, недаром одним из приоритетов духовной жизни альбигойцы сделали вегетарианство. И смерть, принимаемая ими на кострах инквизиции, была сознательной, поскольку вызволяла из тенет земного зла.

В то же самое время, если внимательно изучить историю противостояния мировоззрений в период альбигойских походов, становится понятно, что истинная их природа крылась в желании французской короны овладеть благодатными землями Окситании и расширить подконтрольные территории вплоть до границ Арагона. Очевидным образом, наличие ереси в этих землях формировало повод для северных землевладельцев посягнуть при поддержке церкви на ранее недоступные территории. Историки по-разному смотрят на события восьмисотлетней давности, но сходятся в одном – религия была далеко не главной и точно не единственной причиной крестового похода.

Здесь необходимо отметить, что закат ордена тамплиеров наступил приблизительно век спустя после падения последнего бастиона окситанской обороны – замка Керибюс в Корбьерах. Однако политическая схема, которая была применена в отношении храмовников, мало чем отличается от ситуации с альбигойцами: вновь применялись доносы, наветы, пытки, выбивались признания и горели костры инквизиции. И лишь одна деталь не позволяет нам оценить события начала четырнадцатого века как новый этап крестового похода против еретиков, с религиозной точки зрения.

То, в чем признавались под пытками храмовники, вряд ли можно идентифицировать как катаризм. Не существует единого мнения, действительно ли содержание этих признаний, полученных силой, соответствовало действительности. Но предполагается, что в период Крестовых походов в Святую землю тамплиеры почерпнули в отдельных исламских (а, возможно, и доисламских) традициях некие знания, которые в дальнейшем активно применяли в ходе собственных военных или религиозных практик. Невозможно доподлинно выявить элементы чуждых вероучений в тех обрывочных сведениях, которые донесли до нас архивы инквизиции. Но, как и в случае с альбигойцами, в ходе допросов многое было домыслено или переосмыслено, некоторая часть признаний, очевидным образом, и вовсе была записана под диктовку, исходя из представлений инквизиции о наиболее страшных проявлениях ереси. Однако какая-то часть могла оказаться недалеко от истины.

Сегодня нетрудно оценить ту роль, которую сыграла мультикультурная и мультирелигиозная атмосфера Иерусалимского королевства и его алиасов. По всей видимости, в условиях растущей самостоятельности орден тамплиеров прошел некую метаморфозу, но не как институт, а как духовно-рыцарское явление. Стоит предположить, что, как и в случае с катарами, мы можем говорить об индивидуальных проявлениях еретических верований, которые были выявлены в процессе дознания. Это касается личностей храмовников, но не ордена в целом, который до конца оставался верен папе, искал и почти нашел у него защиту, а в дальнейшем, опираясь на церковные каноны, получил оправдательные приговоры практически повсеместно, кроме, разумеется, самой Франции. Вероятнее всего, само падение ордена было обусловлено слабоволием его тогдашнего руководства, которое не нашло в себе сил противостоять официальной доктрине и послушно выполнило предписание признаться в том, что, возможно, никогда не совершалось. Такое признание, но не вторичное впадение в ересь, избавляло от костра, но не от позора.

Тем не менее те факты (и факты ли), которые содержали вырванные у храмовников признания, говорят, скорее, о влиянии учения хашишинов, нежели о миролюбивом дуализме катарской ереси. Хотелось бы заметить, что среди французских тамплиеров даже спустя век после резни, учиненной де Монфором, могли оставаться (и, вероятно, оставались) убежденные альбигойцы, но это

явление не носило и не могло носить массовый характер, как и в случае с теми рыцарями, которые по каким-то причинам склонились в сторону хашишинов или иной исламской секты, оказавшей на них влияние в Святой земле. Таким образом, говоря о взаимосвязи катаров и тамплиеров, мы признаем за ними возможность персональных контактов, но отрицаем институциональную связь как контрпродуктивный аргумент с точки зрения истории и идеологии. Во всяком случае, среди защитников катарских крепостей мы обнаруживаем не так уж много убежденных еретиков, а в большей степени тех, кто пытался отстаивать аннексируемые владения или, уже став файдитом (безземельным рыцарем), рассчитывал на военный реванш и возможность вернуть утраченное. Что, впрочем, не увенчалось успехом, как нам известно.

Гибель ордена тамплиеров была спровоцирована и осуществлена теми же институтами власти, что и в случае с Лангедоком, но при всей схожести обстоятельств на костер восходили люди разных убеждений и по совершенно отличным причинам. Синонимировать катаров и тамплиеров — излюбленное занятие современных псевдоисториков и гидов. Таким образом они пытаются объяснить тот гигантский неразделимый пласт в истории Южной Франции, который включает как одних, так и других, но не налагает на нас, как исследователей, необходимости искать общие мотивы у рыцарей, во множестве сложивших головы во имя католической церкви в Святой земле, и «добрых людей», не бравших в руки оружие даже для того, чтобы избавить себя от мучительной смерти на костре.